
Былинки

[Виталий БОГОМОЛОВ](#) - 16 мая 2017

Body

Из-под насыпи

В интернете я случайно наткнулся на видеозапись, сделанную неизвестным автором на сотовый телефон. Длится она всего 1 минуту 22 секунды. Но впечатление на меня произвела очень сильное. Шоковое. Это, можно сказать, документ эпохи. Степень важности которого вполне соотносима со временем Фёдора Михайловича Достоевского. С одной стороны – свидетельство того, как государство проявляет заботу о своих гражданах. С другой – это (в определённой степени) ответ на вопрос, почему русский народ ещё жив до сей поры...

Загородная остановочная железнодорожная «площадка». Подходит электричка, остановилась. Судя по виду её, дело происходит где-то в глуши, далеко от центра России. Остановка здесь, очевидно, только летняя, в дачный сезон. Старушка с пластиковым ведром в левой руке и с пакетом в правой, едва переставляя ноги, спешит сесть в электричку. Старушка полноватая, рыхловатая, невысокого роста. Нижняя ступенька тамбура примерно на уровне бедра этой пожилой женщины. Подняться ей из-под насыпи на эту ступеньку просто не реально. Но она потянулась и втолкнула на площадку тамбура свой пакет. И у меня пробежала мысль, что электричка сейчас закроет дверь и увезёт её поклажку. Но бабушка быстро перевернула ведро вверх дном, встала на него ногой, а затем уж легла всем телом на ступеньку и стала заносить на неё ногу. Руками за поручень держится, вцепилась. Дух у меня заходится.

Наблюдая за этой посадкой, я невольно подумал: если садиться в электричку каждый раз вот таким способом, то ведер не напасёшься. Однако когда бабушка одолела подъём и утвердилась в тамбуре ногами на третьей ступеньке, я заметил, разглядел, увидел, что у бабушки всё предусмотрено, как на международной космической станции, что от пакета к ведру привязан шнурок, и в следующее мгновение ведро, к удивлению моему, оказалось рядом с хозяйкой.

Тут поневоле задумаешься: а ведь достаточно хотя бы на длину двух вагонов сделать подсыпку щебня, приподнять площадочку, или (на худой конец) сколотить средневековый деревянный помост, чтоб с него было возможно ногу занести хотя бы на нижнюю

ступеньку вагона...

По завершении этой государственно-издевательской акции – двери электрички закрылись, она тронулась, стремительно набирая скорость. Эх, велика наша страна, не напасёшься посадочных площадок. С ведрами пластиковыми проще...

Но шнурочек-то, шнурочек этот! Как он меня поразил! Выходит, бабушка сей способ освоила давно. И ведь как придумала-то, а! Ведёрко, шнурочек. Какая находчивость! Вот уж воистину – голь на выдумку расторопна и щедра, или, как прежде говорили – торовата! Яснее ясного, что у этой старушки вся надежда только на себя. Только на себя! Только в этом коренится идея её изумительного изобретения. Она помнит, в какой стране родилась, прожила долгую жизнь, и в какой придётся ей умирать...

Да разве такой народ способны завоевать и истребить какие-нибудь там наполеоны или гитлеры?.. Разве они своим «цивилизованным» умом способны предусмотреть, где русская бабушка шнурочек свой привяжет...

Любовный квадрат

Они были сверстниками, Юрка и Файка, правда, он учился классом младше её. Файка – девка-огонь, с милым улыбчивым личиком, располагающая к себе, участвовала в художественной самодеятельности школы, прекрасно танцевала, и вызывала восторженные симпатии у многих парней старших классов. Юрка тоже был парнишка энергичный, наделённый артистичностью, музыкальностью. Над его комическими выходками часто хохотал весь класс. Вот и вышло и так получилось, что по совпадению темпераментов они в Файкином восьмом, а в Юркином седьмом классе влюбились друг в друга...

В селе Гусевка имелась только школа-восьмилетка, средняя находилась в другом селе – Завод-Ашак, за шестнадцать километров. Поэтому на восьми классах их образование на тот момент и закончилось.

Правда, Юрка, поработав в колхозе прицепщиком, через год поступил на годичные курсы трактористов, а Файка устроилась на работу в соседнее село Антоновку, за четыре километра, санитаркой в детский дом. Но любовь их продолжалась и привязанность только крепла...

Потом Юрку призвали в армию. Это был предпоследний призыв парней в девятнадцать лет и на три года (после служили уже с восемнадцати лет и два года). И вот в переписке они что-то поссорились. Наверное, своей неумеренной общительностью Файка подавала повод для пересудов, а Юрке кто-то написал, «дунул» – да ещё, как водится, со злорадными преувеличениями. А она – девушка была с непростым характером...

И как раз в это время к Файке посватался двадцатисемилетний парень из Антоновки, где она работала в детдоме. Виктор (по-деревенски – просто Витька) был на восемь лет старше её. В небольшом селе жизнь каждого человека – под большим микроскопом. Все знали, что у Витьки есть женщина, к которой он периодически на ночь похаживает – Лизка, на три года старше его, которую никто не берёт замуж. Но упрямую и отчаянную Файку это не смутило (видимо, из желания досадить Юрке), она дала согласие, и Витька на ней женился. А Лизку это привело в неопишное бешенство. Известно, что ревность женщины может достигать силы цунами. И при случайной встрече (теперь Витя её избегал) она мстительно пригрозила ему, что с Файкой у него ничего не получится. Так и вышло. Уже через пару месяцев молодая семья развалилась. Поползли липкие поганые слухи про Витьку, что «машинка» у него не работает и Файка по-прежнему девушка.

После Витя поделился: Лизка что-то «знала» и «сделала» ему... «Если с Лизкой я был джигит, – говорил он, – то с Фаинкой – евнух».

Пришлось Фаинке со стыдом и позором от сплетен вернуться в свою семью, а Витьке – к Лизке, тянуло его к ней, как железку к магниту.

Юра в те месяцы службы от унижения и отчаянья чуть было не застрелился, но благополучно пережил всё, отслужил и вернулся домой. Конечно, после такой сердечной раны теперь о его женитьбе на Фаине не могло быть и речи... Но вскоре он женился на

хорошей девушке Оле, хотя и оставался к ней равнодушен, любви не было: его сердце всё равно сохло по Фаинке. Он переучился на шофёра и стал работать на машине.

А к Фаинке никто больше не сватался, мимолётное замужество испортило ей судьбу. Несостоявшийся её супруг, Витя, стал сильно «закладывать за воротник» и в подпитии признавался, бывало, близким друзьям: «Иду к Лизке – столбняк, с другими – ноль. Колдунья она. Ведьма! Сделала что-то. Как верёвкой привязала к себе. Присушила меня...» Зная Лизку, в это верили.

Так прошло несколько лет. И тут у Юркиного одноклассника-отличника, у Саши Клыкова вдруг умирает от болезни жена, после неё остаётся ребёнок четырёх лет. Через полгода вдовец Саша сватается к одинокой Фаине. Она соглашается и выходит на чужого ребёнка. Здесь любви тоже не возникло, была какая-то взаимная необходимость. Но жили неплохо. Фаинка, лидер по природе, верховодила, держала мужа в руках, а тихий, послушно-покладистый Саша исполнял в их семье, в хозяйстве всё, как надо.

Фаина родила ему двух парней, неродной мальчик звал её мамой, за таковую и считал, и она к нему относилась как к своему. Жизнь наладилась, раны в душе женщины с годами постепенно затягивались. Парни росли здоровые.

По прошествии некоторого времени Сашу Клыкова, как человека порядочного и достойного, избрали председателем сельсовета, позже переименовали в главу поселения, и стал он Александром Михалычем. Фаина поднялась до заведующей заводского детсадика. Во время Великой Отечественной войны в их селе Гусевке обосновался небольшой заводик по производству лыж и прикладов для винтовок. Лыжи и сейчас выпускали, только детские, а приклады заменили на изготовление деревянных расписных ложек, разделочных досок, скалок и толкушек. Последнее время пользовались спросом ещё и берёзовые корытца для рубки мяса на пельмени... А берёзовых лесов здесь хватало. Про Витьку к той поре уже почти все забыли: он давно погиб трагически в состоянии белой горячки, а детдомовская медсестра Лизка, никем здесь больше не востребованная, уехала жить в город. Там устроилась на работу в психиатрическую больницу, присмотрела себе одинокого мужичонку из тех, кто страдает алкогольным психозом, но ещё поддаётся исправлению. Она стала за Коленькой ухаживать и после его выписки, они сошлась. У него была двухкомнатная наследственная квартира. И зажили они с Коленькой вполне даже дружно, она держала его под неусыпным контролем, не давала ему срываться, хотя случалось... А в трезвой жизни он оказался вполне даже галантным мужчиной и хозяйственным супругом.

В июне 1998 года Александра Клыкова укусил клещ. Для сельской жизни – дело обычное. Он клеща вытащил и забыл о нём. Но через неделю ему стало плохо. Надо было срочно обратиться в больницу, однако служебные дела помешали в те дни съездить за тридцать километров. Когда потерял сознание, увезли на «скорой», но спасти уже не смогли. Клещ оказался энцефалитным. Саша умер мучительно. Вся Гусевка была в шоке! Да что там Гусевка – в шоке было всё руководство района.

Фаина Степановна осталась одна. Дети к этому времени стали уже взрослыми и самостоятельными. И теперь, в безысходной тоске одиночества, в состоянии ненужности, она поняла, какой потерей стал для неё Саша, какой это был бесценный муж, как она за эти годы привязалась к нему. Да, любви не было. Однако эта привязанность стала почти равнозначна любви. А теперь что? Что дальше? Холодное прозябание... Каждый вечер перед сном, вынужденная обдумывать свою жизнь, она плакала...

* * *

Юрий и Фаина встретились, на новогодней сельской вечеринке в клубе. Обоим уже было за пятьдесят. Он пригласил её на танец, по-прежнему гибкую, энергичную, в какой-то момент они посмотрели друг на друга глазами девятнадцатилетних, когда он уходил в армию, когда безумно любили друг друга... И словно порыв неожиданного ветерка пронёсся между ними. Как будто этим ветерком раздуло тлеющие в золе угольки, вспыхнул костёр не постаревшей прежней любви. Ах, как темпераментно отразился он в заблестевших глазах Фаины после нескольких слов Юрия...

Ушёл Юра от своей опостылевшей жены. Всё хозяйство и дом оставил ей. Забрал только баян. И вот уже пятнадцать лет живут они с Фаиной, не чая друг в друге души... «Просто я исправил ошибку своей молодости...» – ответил он медленно и задумчиво на настойчивый вопрос, заданный ему однажды в дружеской компании. И все поняли, что это действительно так, и слова его – это не оправдание им своего непростого тогда поступка. А особого рода покаяние...

Гангрена

Утром Валера очнулся в лёгком и светлом настроении. За окном, играючи, светило весёлое апрельское солнышко... Он, как ребёнок, порадовался солнышку. Ему сказали, что сегодня Пасха. А в Пасху, говорят, солнышко всегда играет, радуется Празднику... Хорошо было.

И необъяснимо, почему короткой вспышкой вспомнилось Валерию, что он шестиклассник или семиклассник. Утро, до звонка перед первым уроком ещё несколько минут, ребята сгрудились вокруг него, и он взахлёб, с подростковым светлым азартом, торопится пересказать им содержание очередной прочитанной, проглоченной книги, хотя бы эпизоды, особенно его поразившие. И неважно, какая книга, он любил приключения и фантастику. Это могли быть и «Три мушкетёра», и «Земля Санникова», и «Человек невидимка» и любая другая.

Ребята слушали, развесив уши, потому что всегда оказывалось так, что Валера первым в классе прочитывал ту или иную книгу. И ответный азарт одноклассников, интерес, с которым они слушали, подогревал Валеру и вдохновлял. Потом кто-нибудь вслед за Валерой брал эту книгу в библиотеке и прочитывал её. Вот таким был он тогда популяризатором. Вспомнив это, Валера улыбнулся. Сейчас, в свои пятьдесят лет, он бы даже не припомнил ни за что, когда последний раз держал книгу в руках...

Хорошо было сегодня. Пасха. В детстве они с сестрёнкой ждали с нетерпением крашения яиц к Пасхе... Без них какой праздник. Где они эти благословенные дни детства? Где? Тогда он ещё был Валерка, а не Валека, как сейчас. Валекой его в шутку прозвали, когда старшая дочка подрастала и на вопрос взрослых ради их забавы, как зовут её отца, отвечала – Валека, что означало Валерка. И это скоро прилипло к нему – Валека, Валека.

* * *

В тот день Валека и его сосед Гена плотничали в хозяйстве Валеки: надо было заменить в бане нижний, напрочь сгнивший венец, через который в одной стене уже улица светилась, бревно совсем рассыпалось. Потому свою баню не топили с осени, как начались холода; мылись у соседей. Дружно с ними жили.

Дело было к вечеру, работу на этот день уже заканчивали. Как повелось, в течение дня не раз хлебнули спирта «рояль». Валера обтёсывал новое бревно, расставив ноги по сторонам его, оставалось сантиметров двадцать. Бревно было сухим, лежало в ограде года два. Попался крепкий сучок, при сильном ударе в кремнистый сучок топор сыграл, отскочил и вонзился лезвием в правую ногу Валерия, прорубил резиновый сапог, брючину и до кости рассадил ногу, на четверть выше лодыжки.

Он вскрикнул: боль была мгновенная и пронзительная! Корчась, допрыгал тяжело и неуклюже на одной ноге до крылечка, плюхнулся на ступеньку, панически зажимая ладонью место проруба, через который выступила кровь, и крикнул жену.

Вышла неряшливая и тоже постоянно поддатая Любка, грязная, в бог ведает когда стираной юбке, в сорочке с засаленными бретелями. Без лифчика. Всегда безразличный к её внешнему виду, сейчас Валера с неожиданной неприязнью подумал: «Чума болотная! – Ногу топором посёк! – воскликнул он истерично, отведя взгляд от Любки и скривив лицо от боли. – Давай какой-нибудь шнурок перетянуть, чтобы кровь не шла!

Она смотрела, как сочится сквозь пальцы Валерия кровь, стараясь понять, что произошло и что требуется от неё.

– Чё уставилась-то!? Давай скорей! Чума болотная! – зло закричал на неё раздражённый

Валера. – Сапогними сперва! – потребовал он.

Это Любка поняла сразу. Сдёрнула сапог. Валера приподнял прорубленную штанину, обнажив рану на давно немытой грязной ноге с длинными чёрными ногтями.

– О-ой! – воскликнула жена, увидев, как обильно течёт кровь из раны, которая была вдоль по ноге на ширину трёх или даже четырёх пальцев.

– Давай скорей шнурок какой-нибудь! – не выдержал Валера.

– Не ори! Ширококоротый! – огрызнулась она привычно на мужа и неторопливо исчезла в тёмном проёме сенечных дверей.

Подошёл Гена. Посмотрел как-то безучастно.

– Надо спиртом-то обмыть, – предложил он вяло.

– Спирт по назначению, – простонал Валера. – Плесни там для наркоза, если осталось.

– Есть маленько, – подтвердил Гена.

Он нацедил ещё почти полстакана, Валера, продолжая зажимать правой рукой рану, взял стакан в левую и махом вылил его в рот... Рот у него, на круглом скуластом лице, действительно был широким. И жена, когда сердилась, частенько его дразнила этим. Вот и сейчас поддела...

Наконец, Любка появилась. Равнодушно протянула Валерию обрывок бельевого шнура и полоску ткани сантиметров десять шириной, от старой застиранной до желтизны простыни, давно пущенной на тряпки...

Он туго перетянул шнуром ногу выше раны и принялся заматывать рану полоской простыни.

– Может, в медпункт надо? – предложил неуверенно Гена. – Скобки поставить...

– Обойдёмся, – отмахнулся Валера. – На мне, как на собаке...

Окончив перевязку, он с трудом поднялся, но приступить на ногу не смог – не давала резкая боль.

– Придётся отлежаться маленько, однако, – заключил покорно Валера.

Гена, закинув правую руку друга себе на плечи, помог ему ускакать на одной ноге в избу.

Там раненый свалился на свою безобразную лежанку и заговорщицки попросил Генку сходить до лесника и выпросить в долг бутылку спирта. Лесник в Арсёновке приторговывал по доступной всем цене техническим спиртешкой на разлив, который привозил из города в тридцатидевятилитровой молочной фляге. К тому же малость подраждал его. И хотя поля в округе давно заросли непроходимым бурьяном, к стоявшему на отшибе дому лесника – «народная тропа» не зарастала... Считалось, что торгует он тайно, однако в деревне об этом знали все.

* * *

На третий день Валера послал жену к медсестре, чтобы она пришла и осмотрела рану. Фельдшера в их в деревне уже несколько лет не было, сократили ставку – оптимизация называется, оставалась только медсестра, Света, тоненькая, усохшая до щепки. Высосали двое детишек да муж недобитчик... Про себя она иногда называла его с горечью – «недобитчик».

– Валерка ногу посек топором, – сообщила ей Любка и спросила: – Посмотришь, может?

– Что, сильно? – насторожилась Света.

– Есть маленько, – поморщилась Любка.

– Что, кровотечение есть? Обильно? – допытывалась медсестра.

– Позавчера-то была кровь, а теперь не идёт, присохло всё, – пояснила Любка.

– Позавчера?! – изумилась Света. Выслушав приуменьшенное Любой описание раны, задумалась и сказала: – Позавчера. Ну, если маленько, так само пройдёт...

– Болит шибко у него, жалуется, – объяснила Люба. – До кости, видно, просек.

Маленькая, слабосильная, Света уныло представила, какой путь надо ей проделать два раза – туда-обратно – через всю деревню по весенней грязюке в резиновых сапожищах.

– На, вот дай тогда ему таблетки, – предложила она, – по одной утром, вечером пусть принимает эти дни. Если кость задел, конечно, поболит пока. Мне вот укол надо идти ставить Алексею Михайловичу, совсем в другой конец шлёпать, он ждёт, Маруся

прибегала, – пожаловалась медсестра. – Давление у него высоченное. Алексей Михайлович был последним в их деревне ветераном Отечественной войны. Поначалу Валера рассердился на Свету, когда Любка сказала, что та не придёт. Таблетки передала только. Потом попросил жену сходить до лесника. На это она с радостью согласилась и, прихватив пластиковую пустую полулитровую бутылку, ушла. Но вернулась скоро и ни с чем: не наливает больше лесник спирту под запись, уплаты требует, долгу много накопилось, говорит.

Валера сник и задумался... Где сейчас возьмёт он денег, если работы нет в их деревне? Колхоз загнулся. Техники никакой. Сена на корову заготовить и то стало невозможно, а руками попробуй покосить... Пришлось корову продать... Теперь вся еда у них картошка, да иногда куры яичко снесут. Девочек-школьниц вон одеть совсем не во что... В семье росли три девчонки-погодки, которые все тряпки носили с чужого плеча... Старшей было двенадцать лет. И она уже начинала что-то понимать, глядя на более состоятельных и опрятных подружек...

И у пенсионеров ничего пока не подзаработаешь с больной ногой. В горьких размышлениях Валера от безысходности проглотил принесённую женой таблетку и скоро заснул. А когда проснулся, испытывая возобновившуюся ломотную боль и сильный озноб, ему пришла в голову одна неожиданная мысль, от которой даже сердце учащённо заколотилось...

Можно потерпеть какое-то время, выждать, чтоб началось заражение крови, решил он, тогда ногу отнимут, дадут инвалидность, группу, будет пенсия, будут деньги, доход какой-то в семье появится... На тракторе теперь ему всё равно уже не работать. Где они, эти трактора?.. Зачем ему нога?.. Принялся даже фантазировать, сколько могут отрезать. Решил, что согласен будет, пожалуй, до колена. Выше – нет! Он терзался: сказать не сказать об этом Любке. Как она воспримет его идею? Наконец решил поделиться. Люба выслушала, и по тому, как беспечно посветлело её лицо, он догадался, что замысел его пришёлся ей по душе...

* * *

С этого дня Валера терпел нарастающие мучительные боли, сильно поднялась температура, ломило всё тело, началась даже испарина. Он догадывался, что процесс идёт как надо, теперь требуется угадать только момент, когда можно будет заявить, что у него не совсем в порядке с ногой и тогда уж лечь в больницу. Любка следила за распухшей, нагноившейся и посиневшей до колена ногой и уговаривала его потерпеть ещё немного, чтоб понадежней было, а то вдруг ногу вылечат. Тогда и мучение будет напрасное, и всё дело насмарку пойдёт... Муж соглашался, терпел муку дальше. Только просил спиртику принести. Она раздобыла...

Когда Валера начал неожиданно бредить и терять сознание, Любка перепугалась и побежала к Свете.

– Так ты же недавно мне говорила, что у него уже всё зажило почти? – удивилась медсестра.

– Ну, заживало, – смутилась Любка, – а теперь вот снова разболелось. Не рассчитали, может... – Она осеклась от испуга, что проговорилась.

Но Света не обратила даже внимания на её последнюю фразу.

Придя к больному, Света была изумлена неряшливостью хозяйки в доме. Осмотрев Валеру, медсестра пришла в ужас:

– Ой, мамонька родная, у него же сепсис, Люба! – воскликнула она. И тут же пояснила: – Заражение крови! Поди, гангрена?.. Ой, чё мне теперь будет!.. О-ой!

Люба тоже перепугалась, сейчас ей невольно подумалось, что её могут посадить...

Светлана, не чуя ног, тут же побежала к Алексею Михайловичу, на единственный в Арсёновке телефон, вызывать «скорую». Но машину прислали только на следующее утро. На шестьдесят километров пути в два конца бензина не было, не смогли сразу найти, кризис: на дворе беспредельничал предпоследний год уходящего века. 10 апреля Валерку в бессознательном состоянии переправили из райбольницы сразу в областную.

Заражение нарастало. Провели экстренную операцию, ногу ампутировали выше колена, почти до бедра...

* * *

Утром Валера пришёл в сознание, очнулся в необъяснимо лёгком и светлом настроении. Как ребёнок, порадовался солнышку. Ему сказали, что сегодня Пасха. А в Пасху, говорят, солнышко всегда играет, радуется Празднику... Он узнал, что ногу ему отрезали, как задумывал, пусть и немного выше, чем хотелось... Но не было больше мучительной боли, как будто нога была на своём месте и здорова. Невдомёк было Валере, что его начинили обезболивающими лекарствами, а гангрена продолжалась. Интоксикация усиливалась, кровоснабжение органов было нарушено уже до критического состояния. Сознание его было лишь короткой вспышкой. Ближе к полуночи он умер от септического шока.

Крутояров

У нас передышка. Сидим с троюродным братом Борькой, пиво пьём, второй раз в жизни встретились. Во дворе, в затенённой яме ещё не докопанного нами погреба, прохладно – блаженство. Я приехал к нему в гости и решил помочь. А на улице зной невыносимый, даже собаки в селе не гавкают. Наверное, в тень попрятались, языки на полметра высунув?

– У меня друг был, – делится неожиданно Боря, думая о чём-то о своём и широко зевая, – Витя Крутояров...

– А я его знаю, – говорю.

– Откуда ты его можешь знать?! – удивился Боря, отшатнувшись и разглядывая меня в упор, будто впервые увидел. – У него брат предприниматель... – приводит он какой-то непонятный мне аргумент.

– Брата не знаю, а Витю знаю. Мы с ним на одной заставе служили.

– Как!? Ты, что ли, тоже на Даманском служил? – встрепнулся Боря.

– Вообще-то застава там называлась Михайловская, – вношу ясность. – А на острове Даманском был только бой. И что же Витя рассказывал тебе про Даманский?

– Ну что... – смешался заметно Боря, видимо, улавливая в моём вопросе какой-то подвох. – Он в том бою здорово, говорит, отличился. Он же здоровенный!

– Да, помню, ростом высок, в плечах широк, не то, что я. – Хотя прошло тридцать лет, и мы за это время ни разу с Витей не встречались, я помнил его хорошо. Допытываюсь у Бори: – И что?

– Косоглазых, говорит, косил только так. Но и сам был ранен. Так ты же знаешь. Раз вместе были. У него, между прочим, орден Боевого Красного Знамени за тот бой.

– Старший сержант Юрий Бабанский, “впрочем между” хэ-хэ, за тот бой (в живых тогда от заставы четверо осталось) Звезду Героя получил, а Витя ранен был и только орден?.. Обидели мужика, – съехидничал я. – А орден этот у него, Борис, ты видел?

– Да нет, – замялся Борис. – Мы же с ним подружились, когда орден он уже потерял. Сняли, скорей всего, со спящего. Он ведь пил по-страшному. В ментовку сколько раз попадал...

– А сейчас?

– Совсем не пьёт, уже год, – ответил Боря скорбно и как-то задумчиво.

– Молоде-ец! – искренне восхитился я, слушая, как говорится, разинув рот.

– Умер.

– Как умер?!

– Ночью поздно шёл по переулку. Видимо, сильно поддатый был... Короче, свалился, отрубился и... больше не проснулся. Здесь вот недалеко. Дело было в начале ноября. Снега ещё, правда, не было, но умер Витя от переохлаждения. Температура в ту ночь стояла плюсовая, но всего три градуса. Пятьдесят два года было ему только. Хороший парень был, душевный. Водки мы с ним выпили немеряно. Я когда вернулся с Чернобыля

облучённый – грунт КАМАЗами там вывозили заражённый – сильно пить стал. Причины были: жена меня тогда бросила, ребёнка увезла... Сын у меня... Теперь уже взрослый юноша...

Он замолчал. Потягивая грустно пиво и думая, видимо, о своей не так сложившейся жизни. Я тоже долго молчал, вспоминая Витю Крутоярова, потрясённый его ранней и такой нелепой кончиной.

– А теперь слушай правду, – сказал я. – Убедительнее правды нет ничего! Служили мы с Витей Крутояровым действительно на одной заставе, да. На Китайской границе. Только от Даманского далеко – в Семипалатинской области. Зато от ядерного полигона не очень, видимо, далеко. Я был старшиной заставы, третьим лицом после двух офицеров, начальника заставы и его зама. А Витя – теперь держись, чернобылец, за сердце! – был у нас хлебопёком. Хлеб он выпекал ежедневно. Поэтому на линию границы он никогда не ходил. Службу нёс только часовым по заставе, по четыре часа в сутки, не больше. А всё остальное время – конечно, исключая восемь часов сна – занимался хлебом: у него была большая деревянная дежа, кадушка такая специальная, в ней он заводил квашню. Ну, ты же деревенский, сам знаешь. Готовил дрова, топил печь, месил тесто, делал выпечку... Героизма, конечно, в этом мало, но дело жизненно важное. И хлеб у него, надо признать, получался очень хороший. А руки были накачаны – будь здоров. Не руки – вёсла! Чтобы промесить в деже тесто, надо ведь поворожить его...

Ни в каком бою он, естественно, не участвовал. Не было на нашей заставе вооружённых столкновений. И, надо добавить, когда проходили упражнения на стрельбище, стрелял он очень хреново. А вот брагу варить умел. Дрожжей подкопит, сэкономит, у повара сахара наворует и поставит бутылку браги где-нибудь в кустах возле арыка. Не раз на этом попадался. Так за что, скажи, он мог получить орден? Не было у него никакого ордена, Боря! Не было! И не могло быть.

– А он-то нам заливал за выпивкой о своих подвигах, что был ранен... – угрюмо промямлил Боря, разочарованный и обиженный обманом друга.

Помолчал задумчиво и с огорчением проговорил:

– Сколько раз Витька расписывал нам этот бой, я прямо вот до сих пор вижу эту картинку...

– Ну-ка, ну-ка, поделись! Интересно.

– «Я, значит, короткими перебежками к БТРу, – рассказывал Витька, – укрылся за ним и стал их валить, а их, как рой идёт... А нас осталось-то... И тут меня, – говорит, – как толкнул кто – я вперёд, шагов с десятков пробежал, упал, и опять стреляю, крошу их. Вдруг сзади как даст – меня аж на земле подкинуло! Оглядываюсь – мать честная! БТР-то развернуло, и как раз в том месте, где я стоял. Это меня Ангел-хранитель толкнул. Тут я понял, – говорит, – что за БТРом прятаться опасно, на него же в первую очередь охота идёт. Из РПГ саданули. Дымище повалил... Моторный отсек горит...

Я обратно. На броню прыгнул, глянул внутрь, в люк – все мёртвые? Не-ет, старший лейтенант живой. Но и ранен, и контужен. Я его наверх, а он как мешок, да и тяжё-ёлый такой. Ладно, у меня силёнка-то есть. Выволок, на землю спустил... Тут меня и шарахнуло под лопатку. Дальше уже ничего не помню... Только в госпитале узнал, что мне за спасение старлея орден Боевого Красного Знамени выписали, да за ранение...»

– Обманул, выходит? – усмехнулся я, подумав про себя попутно, что в первой стычке на Даманском никаких БТРов ещё не было. Они там появились только 14 марта, во втором бою.

– Обману-ул, – отозвался с огорчением и запоздалым упрёком Борис.

– Ну, понять его можно. Он ведь сознавал в душе, что с его могучим телом – в жизни он ничего не значит. Это, Боря, думаю, его сильно мучило. Оставалось только коров пасти, либо водку пить. А хотелось чего-то героического. Человек он был, надо сказать, с амбициями, только амбиции эти у него были ничем не обеспечены. Вот. Признайся он вам, что хлебопёком был, сделал бы себя предметом ваших насмешек. Не так ли?

– Да, та-ак, – согласился нехотя Боря.

– Вот и сочинил легенду, которая его согревала и поднимала в ваших и в собственных глазах. Человеку всегда ведь хочется чего-то значить и чего-то стоять. У каждого из нас,

видимо, сидит в душе бесёнок, который подстрекает нас казаться чем-то бóльшим, чем
есть мы на самом деле.

На это Борис ничего не ответил.

[Виталий БОГОМОЛОВ](#) - 16 мая 2017

<http://webkamerton.ru//2017/05/bylinki>